

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДИАГНОСТИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ В РАЗНОЧТЕНИЯХ СПИСКОВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Украина)

Поступила в редакцию 17 декабря 2016 г.

Аннотация: авторы статьи доказывают, что разные группы лексем с диагностирующими признаками имеют существенные особенности как в их представлении в «Повести временных лет», так и в направлении редакторской правки текста. Закономерности фиксации в шести основных списках памятника лексем, различающихся по признаку $щ/ч < *tj, *kt, *gt$, позволяет считать, что в списках Ипатьевской группы редакторская правка шла в направлении преимущественного использования исследуемых южнославянских по происхождению рефлексов в большинстве коррелятивных пар на фоне достаточно мотивированного и последовательного употребления полногласия. Выявленные различия в употреблении анализируемых пар с диагностическими признаками дает основание предположить, что в списках Ипатьевской группы нашла отражение редакция 1118 г., связанная с книжно-письменными традициями новгородских скрипториев.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», редакции и списки памятников письменности, *-torot/-trat*-лексемы, рефлексы **tj, *kt, *gt*, генезис восточнославянского литературного языка.

Abstract: the authors of this article show that different groups of lexemes with the diagnostic properties have essential features both in their representation in "The Tale of Past Years" (or The Russian Primary Chronicle), and in the direction of editorial editing of the manuscript. Regularities in the use of the lexemes that differ in $щ / ч < *tj, *kt, *gt$ found in 6 main replicas of The Russian Primary Chronicle lead to the conclusion that in replicas made by members of the Ipatyevsk group editorial editing went in the direction of primary use of reflexes of South Slavic origin in the majority of correlative word pairs against rather motivated and consecutive use of pleophony. The revealed distinctions in the use of the analyzed pairs with diagnostic properties give the grounds to assume that the replicas produced by the Ipatyevsk group were influenced by the edition of 1118, connected with written traditions of Novgorod scriptorium.

Key words: «The Tale of Past Years», replicas of the manuscript, *-torot/-trat*-lexemes, reflexes **tj, *kt, *gt*, genesis of the East Slavic literary language.

Многообразие имевшихся и сохранившихся в русском языке образований с результатами генетически соотносительной реализации праславянских рефлексов – восточнославянских и южнославянских по происхождению, – сложность их усвоения и тысячелетнее совместное функционирование определяет особое положение «русского литературного языка в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции» [1, с. 126]. В свою очередь, это породило обширную литературу, где диагностирующие признаки церковнославянской (старославянской) и исконной языковых систем используются для характеристики литературного двуязычия Древней Руси, описания памятников письмен-

ности и определения генетической основы русского литературного языка.

Однако до сих пор не выяснены механизмы исторически изменявшегося взаимоотношения генетически неоднородных элементов в системе русского литературного языка. Такой подход требует не столько использования соотносительных по происхождению рефлексов в качестве доказательств – нередко диаметрально противоположных – концепций происхождения русского литературного языка, сколько воссоздания целостной картины их взаимодействия на разных исторических этапах, необходимости учета всех аспектов отношений, в том числе в пределах рукописи, памятника, отдельного произведения, контекста.

С этой точки зрения «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) является уникальным памятником,

поскольку в результате его «энциклопедичности» и связанной с этим жанрово-стилистической неоднородностью (наличие документальных погодных записей, развернутых летописных рассказов, текстов конфессионального содержания, обработанных народных легенд, элементов дружинной поэзии, документов древнерусского права) в нем происходит «интенсивное смешивание», «симбиоз» и «сплав» разных языковых стихий. Высокий художественный уровень памятника, его авторитетность для целых поколений последующих летописцев позволяют расценивать ПВЛ как своеобразную творческую лабораторию, в которой закладывались основы того типа древнерусского литературного языка, который характеризуется широким совмещением элементов высокой книжности и народно-поэтической речи. Поэтому исследование того, как преломлялись присущие данному памятнику принципы отбора языковых средств, в том числе в его списках и редакциях, различающихся местом, временем своего составления и предпочтениями скрипториев, может дать достаточно надежный фактический материал для решения ряда общетеоретических вопросов, касающихся происхождения и развития древнерусского литературного языка. При этом следует отметить, что детально разработанная история текста как самой ПВЛ, так и отдельных ее списков позволяет достаточно достоверно проследить судьбу генетически соотносительных рефлексов на русской почве с учетом, в том числе, и экстралингвистических факторов.

Проведенное нами исследование различий шести основных списков ПВЛ в использовании лексем с неполногласными (-trat-) и полногласными (-torot-) сочетаниями показало определенную направленность редакторской правки текста памятника [2]. Однако, несмотря на значимость генетического расхождения в группе дифтонгических сочетаний с плавными, необходим анализ других диагностических признаков. Цель данной статьи заключается в определении закономерностей фиксации лексем, различающихся по признаку *щ/ч* (*нощь/ночь, хоцю/хочю*¹), в шести основных списках ПВЛ, представляющих не только разные территории и периоды, но и разные редакции: Лаврентьевский, Радзивилловский и Академический; Ипатьевский, Хлебниковский и Погодинский (далее – Л-список, Р-список, А-список, И-список, Х-список, П-список).

Следует отметить, что для отдельных групп диагностических признаков существовали различные критерии их отбора и совместной встречаемости в памятниках письменности. Наибольшей морфоноло-

гической дублетностью характеризовались -torot/-trat-лексем, огласовка которых не встречала каких-либо препятствий со стороны фонетической и морфонологической системы русского языка. Как справедливо замечает В. В. Колесов, «неполногласные» сочетания типа *трава* вообще-то были свойственны русскому языку, и чистая форма типа *градъ* сама по себе ничего не значила» [3, с. 267].

В то же время южнославянским рефлексам *tj, *kt, *gt и *dj необходимо было пройти этап фонетической адаптации как в восточнославянском, так и в церковнославянском (русской редакции) языках [4]. Однако внутри данной группы следует выделить подгруппу системных образований с полной парадигмой морфонологических чередований, где выбор генетически неоднородных рефлексов *tj и *dj, находящихся на конце корневой морфемы, нередко жестко регламентировался следующими за ними суффиксами или флексиями (ср. преобладание *щ* перед суффиксом *-ени[jj]-* и его запрет перед суффиксом *-ива-*).

Возможность варьирования рефлексов *tj шире реализуется в группе «отдельных слов» (по терминологии А. А. Шахматова, см.: [5, с. 75–76]), куда входят пары типа *свеча/свеща* и спрягаемых форм некоторых глаголов, а также морфонологические корреляты с рефлексам *kt, *gt типа *ночь/нощь, помочь/помощь* и под. С одной стороны, указанные коррелятивные пары в определенной степени подчинялись закономерностям, характерным для системных образований вследствие реализации в них южнославянских рефлексов *tj, kt, *gt, которым требовалось пройти фонетический «фильтр», а с другой – они, в силу своей «отдельности» от цепи взаимосвязанных образований, примыкали к группе -trat-/torot-лексем. Именно поэтому для них характерна высокая степень гетерогенности в памятниках, рукописях, а также в тесно связанных контекстах, например: *Урокъ убо естъ члвчъ воля бжия и ему же хочеть приложить и ему же велить умлетъ вьсе творя на пользу комуждо яко же хочеть ти яко же влдка стаду егда хотя посылеть и приведетъ яже хошть овьца* (Изб. 1076, 123–123 об.) и под.

Тем не менее в ПВЛ, как показало исследование, различия между -trat-/torot-лексемами и лексемами группы «отдельных слов» с рефлексам *tj, *kt, *gt существенно различаются. В частности, если в списках Л-группы выявленные стандартизованные случаи употребления -trat-/torot-лексем характеризуют также слова типа *хоцю/хочю*, то в списках И-группы слова с рефлексам *tj, *kt, *gt имеют ряд своих особенностей. Показательны в этом плане результаты количественного анализа соотносительных лексем, различающихся по признаку *щ/ч*:

¹ Графика примеров из текста ПВЛ максимально приближена к современной.

Количество лексем, различающихся по признаку *щ/ч*

№ п / п	Соотносительные пары лексем	Количество по спискам ПВЛ				Общее количество
		Л	Р, А	И	Х, П	
1	<i>дъци / дъчи</i>	16 6	18 2	22 —	22 —	22 (20)
2	<i>наушение / научение</i>	3 6	3 6	1 8	1 8	9
3	<i>нощь / ночь</i>	31 9	36 / 39 4 / 1	35 5	32 8	40
4	<i>пещера / пещера</i>	5 35	11 29	28 12	36 4	40
5	<i>помощь / помочь</i>	8 2	9 —	5 4	5 5	10 (9)
Формы глагола <i>хотети</i>						
6	<i>хоцю / хочю</i>	3 13	6 / 4 9 / 11	12 4	9 7	16
7	<i>хоцемъ / хочемъ</i>	— 7	3 / 4 4 / 3	6 1	6 1	7
8	<i>хоцещи / хочещи</i>	17 4	21 —	21 —	21 —	21
9	<i>хоцете / хочете</i>	2 4	3 / 5 3 / 1	5 2	5 2	7 (6)
10	<i>хоцеть / хочеть</i>	4 6	2 / 6 7 / 4	8 2	8 2	10
Всего	<i>щ</i>	89	112 / 120	144	145	182
	<i>ч</i>	92	64 / 5	38	37	

Примечание. Цифра в скобках указывает на несовпадение количества отдельных лексем по спискам. При несовпадении количества лексем в Р- и А-списках первая цифра соответствует данным Р-списка, а вторая (после косой линии) – А-списка.

Количественные данные, представленные в таблице, дают основание предполагать, что применительно к лексемам, различающимся по признаку *щ/ч*, редакторская правка отраженного в списках И-группы текста ПВЛ шла в направлении преимущественного использования южнославянского по происхождению рефлекса в большинстве коррелятивных пар. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в парах *пещера/пещера*, *хоцю/хочю*, *хоцете/хочете*, *хоцеть/хочеть*, где в процентном соотношении количество южнославянских альтернатив возрастает от 11–12 % до 70–75 % или от 33,3–40 % до 74–80 %. Однако наиболее показательны случаи генетической «стерильности» в списках И-группы, характеризующие потенциально вариативные пары *хоцещи/хочещи* (от 80 до 100 %), *дъци/дъчи* (от 13,8 до 100 %), *хоцемъ/хочемъ* (от 0 до 100 %).

Большее количество восточнославянских альтернатив в списках И-группы по сравнению со списками Л-группы отмечено только для коррелятивных пар *наушение/научение* (от 33,3 до 11 %) и *помощь/помочь* (от 80 до 55,5 %).

Выявленная тенденция преимущественного южнославянского оформления указанных лексем может быть проявлением редакторской правки генетическо-

го фона памятника, который, как правило, стремится к определенной гомогенности, хотя и по-разному представленной для разных групп диагностирующих признаков [6].

В частности, системные образования с рефлексом **tj* в ПВЛ в абсолютном большинстве случаев зафиксированы с южнославянскими по происхождению рефлексом *щ*. Отступления исключительны, и по целому ряду летописных сводов ограничиваются образованиями от корней *(от)вет-*, *(съ)вет-*, в частности в Л-списке: *поведалъ Двѣдъ яко брата ти убилъ а на тя свѣчася с Володимеромъ и хотять ти убити* (Л-1097, 87 об.²). Примеры такого рода настолько редки на фоне использования южнославянского по происхождению альтернатива **tj*, что некоторые исследователи сомневаются в существовании, напри-

² Необходимость учета особенностей контекста, в котором зафиксирована анализируемая лексема, заставила нас отказаться от общепринятых отсылок к примерам из рукописей с обозначением листа и строки. После примера из текста ПВЛ начальной буквой обозначается список памятника, далее идет указание года летописной статьи в переводе на современное летоисчисление и страницы издания рукописи или самой рукописи.

мер, форм глагола *обечати* [7, с. 75], которые встречаются в Комиссионном списке Новгородской первой летописи (далее – НЛ, К – Комиссионный список, С – Синодальный) (*обечастся* 169); в Киевской (*обечали* 128, *обечаль* 239, 239 об., 240), Галицкой (*обечаста* 266) и Волынской летописях (*обечася* 300), входящих в состав Ипатьевской летописи.

Однако в данном случае мы имеем дело со спецификой формирования генетически неоднородных типов чередования во вполне конкретных корневых морфах, в которые «включаются» и альтернанты явно диалектного происхождения. В частности, в русских летописных сводах на образования от указанных корней приходится более 80 % случаев использования таких альтернантов, в том числе и в разночтениях, например: *отвещаша: княже, поеди прочь, не хотим тебе* (НЛ (К) 184) – *отвечаша: княже, поеди прочь* (НЛ (С) 148 об.); *отвещаше: мира не хотим* (НЛ (К) 137 об.) – *ответаша же: мира не хотим* (НЛ (С) 85); *свецилися суть чьрниговьскими князи* (НЛ (К) 131) – *светались чьрниговьскими князи* (НЛ (С) 73 об.).

Следует отметить, что статьи до 1113 г. НЛ и И-списка ПВЛ фиксируют альтернанты только южнославянского происхождения. В Академическом и Толстовском списках НЛ в указанных формах также последовательно употребляется рефлекс *щ*. Однако в К- и С-списках имеются варианты типа *хошу – хотим, веце – вече (при отчина – отчина, заищыми – заячи ми)* и под. Как правило, эти разночтения концентрируются в текстах, повествующих о новгородских событиях, что позволяет предположить значительное влияние диалектных особенностей речи книжника на текст К-списка, в котором избегаются формы с *ч* и предпочитают формы с *щ* или – реже – *ц*. В С-списке альтернант *ц* отмечен только в спрягаемых формах глагола *хотети*, в других разночтениях – *т (свѣтали, советаша, ответаша и под.)*. В свое время Л. М. Устюгова предложила такие случаи рассматривать как реакцию древнерусского книжника на цоканье [8], которая, с одной стороны, могла привести к предпочтению южнославянского по происхождению «нейтрального» альтернанта, с другой стороны, способствовала использованию морфонологических коррелятов типа *поработахомъ* (Л-1093, 74 об.; И-1093, 82 об.), возникших в результате особенностей имперфективации.

Имеющийся в нашем распоряжении материал генетической представленности «отдельных слов» с рефлексами **tj, *kt, *gt* также дает основание полагать, что тенденция к преимущественному использованию в списках И-группы анализируемых слов в южнославянском оформлении в определенной степени связана с диалектными особенностями новгородского говора, поскольку использование лексем с

приметой *щ* снимало проблему разграничения аффрикат *ч* и *ц*. В пользу этого предположения свидетельствуют и данные Р- и особенно А-списка, протограф которых, по мнению А. А. Шахматова, испытал влияние Софийской 1-й летописи [9]. В указанных списках по сравнению с Л-списком увеличивается количество коррелятов с признаком *щ*. Ср. данные таблицы: 112/120 случаев употребления слов с южнославянским по происхождению альтернантом в Р- и А-списках и только 89 – в Л-списке.

В результате той редакторской правки, которую претерпел текст ПВЛ, отраженный в списках И-группы, между списками Л-группы и списками И-группы возник целый ряд разночтений, основной характер которых выражается следующими соотношениями:

1) -trat-лексема списков Л-группы в контекстах народно-литературного типа древнерусского литературного языка соответствует -torot-лексема списков И-группы;

2) словам с признаком *ч* из **tj, *kt, *gt*, зафиксированным в списках Л-группы, в списках И-группы соответствует коррелят с южнославянским по происхождению *щ*.

Такие различия в представлении -torot-/-trat-лексем и группы «отдельных слов» с рефлексами **tj, *kt, *gt*, с одной стороны, свидетельствуют об их способности к достаточно высокой степени генетического варьирования, а с другой – о разном направлении редакторской правки, которая была обусловлена теми фонетическими причинами, которые не позволяют рассматривать данные группы как нечто тождественное, несмотря на сложившуюся в науке традицию их осмысления как явлений одного порядка. Древнерусские книжники подходили к ним диаметрально противоположно: в Ипатьевской группе списков по сравнению с Лаврентьевской группой более последовательно и мотивировано употребление полногласия, тогда как на месте **kt *gt *tj* фиксируется *щ*. Однако следует подчеркнуть, что выбор определенного генетического коррелята был именно в этих группах, тогда как массив образований, входящих в полную морфонологическую парадигму, был практически неизменен: судя по нашим подсчетам, лексем с *щ<*tj* в ПВЛ по И- и Л-спискам практически равно – 97 % и 98 %³. В связи с этим следует отметить, что в известных реконструкциях А. А. Шахматова не дошедших до нас в первоначальном виде двух редакций ПВЛ – Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородского свода 1050 г. с продол-

³ Такое совпадение выделяется на фоне других составных частей Лаврентьевской летописи (в Суздальской летописи – 80 %) и Ипатьевской летописи (в Киевской и Галицко-Волынской летописях, соответственно, 98 % и 75 %).

жениями до 1079 г. – аналогично представлены данные группы рефлексов: генетически однородные системные образования с полной парадигмой морфологических чередований (100 % *щ<*tj*) и морфологически разнообразная группа «отдельных слов» (41 % слов с восточнославянским *ч* типа *хочю, печера*) [10].

Систематизированный и последовательный характер выявленных между списками Л- и И-групп разночтений в употреблении лексем с неполногласными/полногласными сочетаниями и признаками *щ/ч* дает основание соотносить их с теми различиями книжно-письменных традиций, которые были свойственны территориально отдаленным скрипториям Древней Руси, киевским и новгородским в частности.

В правомерности предположения о том, что в тексте ПВЛ, представленном в списках И-группы, нашли отражение книжно-письменные традиции новгородских скрипториев, убеждают и примеры более свободного использования ряда -*torot*-лексем (*володети, берегъ, хоромы, перевезтися, городъ, золото*), сохраняемых во всех анализируемых списках ПВЛ в тех текстах, которые заимствованы составителем данного памятника из новгородских источников, прежде всего из Новгородского летописного свода [11, с. 170–182], или записаны со слов новгородских «корреспондентов» [12] (см. статьи 862, 1016, 1018, 1024 гг.). Так, русизм *берегъ* во всех анализируемых списках ПВЛ сохраняется без изменений в текстах, связанных с изложением событий, имеющих то или иное отношение к Новгороду. Например: *приде и ста под горами на березе* Л-введ., 6 (легенда о посещении апостолом Андреем Руси, Новгорода в частности); *воевода Святополчь ездя возле берегъ* Л-1016, 96 (рассказ о битве новгородцев со Святополком). Аналогично и русизм *володети* представлен в статье 862 г. при изложении легенды о призвании варягов, имеющей новгородское происхождение: *поищемъ себе князя иже бы володеть нами* Л-862, 13; *да поидете княжить и володети нами* Л-862, 13; *почаша сами в себе володети* Л-862, 13. Переходя же к изложению киевских событий (рассказ о прибытии Аскольда и Дира в Киев), летописец употребляет книжнославянизм *владети*: *Аскольдъ и Диръ ... начаста владети польскою землею* Л-862, 14. Ср. также распределение членов пары соотносительных лексем *градъ/городъ* в диалоге Аскольда и Дира, пришедших из Новгорода, с киевлянами: *узрели на горе городокъ и въпрашаста... чии се городъ... они же рекоша были три браться .... иже соделаша градъ сеи* Р-862, 9. В вопросе Аскольда и Дира используется русизм *городъ*, хотя в целом для Р-списка характерна тенденция к преимущественному употреблению соотносительного морфологического дублета, в ответе же киевлян зафиксирована лексема с неполногласием *градъ*.

Употребление ряда слов с восточнославянскими рефлексами в текстах, заимствованных из новгородских источников, на фоне неоднократного использования в других частях памятника генетически соотносительных коррелятов является одним из свидетельств того, что отличительной чертой новгородской книжности периода раннего средневековья была «близость письменного языка к разговорному» [13, с. 21]. Древнерусские книжники, видимо, хорошо осознавали существовавшие различия книжно-письменных традиций (и, вероятно, культурных койне) Киева и Новгорода и не находили ничего предосудительного в их совмещении в пределах одного произведения. Более того, в процессе последующих переписок текста ПВЛ части летописи, в той или иной мере связанные с изложением новгородских событий, отличались известной устойчивостью в плане сохранения имеющихся в них -*torot*-лексем.

Указанные различия в употреблении лексем с неполногласными и полногласными сочетаниями, а также морфологических коррелятов, различающихся по признаку *щ/ч*, выявленные между списками Л- и И-групп, могли возникнуть, как мы уже утверждали на материале разночтений -*trat*-/*torot*-лексем, в период создания редакции 1118 г. В пользу этого предположения свидетельствуют и данные текстологических исследований, указывающие на то, что в списках Л-группы нашла более полное отражение редакция ПВЛ 1116 г., а в списках И-группы – редакция 1118 г. А так как редакцию 1118 г. принято связывать с именем сына Мономаха Мстислава, бывшего до 1118 г. новгородским князем, предположение о существовании такого популярного и авторитетного для своего времени произведения, каким была ПВЛ, в редакции, отражающей особенности книжно-письменных традиций новгородских скрипториев, представляется вполне вероятными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 122–139.
2. Бекасова Е. Н. Отражение региональных книжно-письменных традиций в «Повести временных лет» / Е. Н. Бекасова, Л. М. Устюгова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 53–57.
3. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. – 296 с.
4. Бекасова Е. Н. Фонетический фактор в судьбе праславянских рефлексов / Е. Н. Бекасова // Научное обозрение : гуманитарные исследования. – 2014. – № 2. – С. 56–63.
5. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – 4-е изд. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288.

6. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста / Е. Н. Бекасова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. – 208 с.

7. Львов А. С. Лексика «Повести временных лет» / А. С. Львов. – М., 1975. – 368 с.

8. Устюгова Л. М. Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести временных лет» / Л. М. Устюгова // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М. : Наука, 1987. – С. 90–105.

9. Шахматов А. А. Заметки о составлении Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи / А. А. Шахматов // Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. – М., 1913. – 7 с.

10. Бекасова Е. Н. А. А. Шахматов : классика реконструкции / Е. Н. Бекасова // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 4 (12). – С. 161–169.

11. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. – СПб., 1908. – 687 с.

12. Лихачев Д. С. Повесть временных лет / Д. С. Лихачев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 2. – 554 с.

13. Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы / Д. С. Лихачев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 237 с.

Оренбургский государственный педагогический университет

Бекасова Е. Н., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка

E-mail: bekasova@mail.ru

Тел.: 8-922-552-93-29

Ужгородский национальный университет (Украина)

Устюгова Л. М., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

E-mail: ustyugova_l_m@mail.ru

ИСТОЧНИКИ

14. Изборник 1076 г. / под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1965 [Изб. 1076 г.].

15. Летопись Нестора с продолжением до 1419 г. Рукопись б. Московской Духовной Академии. – Москва, Российская государственная библиотека, Ф. 176, № 236 [А-список].

16. Нестерова Российская летопись. – Петербург, Российская национальная библиотека, F. IV. 230 [X-список].

17. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / под ред. с предисл. А. Н. Насонова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950 [Синодальный, Комиссионный, Академический и Толстовский списки].

18. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Изд. Археограф. комиссии (фотолитограф. способом). – СПб., 1871 [И-список].

19. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. Археограф. комиссии (посредством светопечати). – СПб., 1872 [Л-список].

20. Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фототип. Общество любителей древней письменности. – СПб., 1902 [Р-список].

21. Собрание Погодина, № 1401. – СПб., Российская национальная библиотека [П-список].

Orenburg State Pedagogical University

Bekasova E. N., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Language and Methods of Teaching Russian Department

E-mail: bekasova@mail.ru

Tel.: 8-922-552-93-29

Uzhgorod National University (Ukraine)

Ustyugova L. M., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department

E-mail: ustyugova_l_m@mail.ru